

УДК 215

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА: ОТ АВТОНОМИИ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Девятова Светлана Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. E-mail: welt1936@yandex.ru

В статье рассматриваются основные тенденции в решении современных западными христианскими теологами проблемы соотношения христианства и науки. Сегодня ими разрабатываются новые взгляды как на историю, так и на современное состояние взаимоотношений христианства и науки. Здесь подчеркивается неправомерность утверждений об их принципиальном противостоянии и обращается внимание на позитивное значение христианского мировоззрения в развитии европейской науки. По вопросу о том, как следует строить отношения христианства и науки в наше время, у теологов нет единого мнения. Одни считают наиболее продуктивным принцип разделения областей их компетенции и автономной деятельности. Однако больше сторонников имеет установка на их взаимодействие, возможность осуществления которого обеспечивается наличием «пограничных вопросов», а также рядом сходных в методологическом отношении характеристик этих важнейших областей культуры. Такая установка соответствует современному видению мира как единого целого, а также христианским представлениям о Творце, забота и влияние которого распространяются на все мироздание. Она может стать основой тесного сотрудничества христианства и науки, целью которого является формирование адекватного, целостного мировоззрения. **Ключевые слова:** христианство, теология, наука, природа, личность, объективность, субъективность, независимость, взаимодействие.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-266-269

Теология и наука – две наиболее влиятельные силы, оказывающие воздействие на мировоззрение христиан. Первоначальная монополия теологии в сфере познания мироздания ушла в прошлое. Современный западный мир охарактеризовал наше время как время науки и признал ее основным источником нашего миропонимания. В контексте обсуждаемой проблемы важно заметить, что речь идет не только непосредственно о знаниях, предоставляемых наукой, но и о научном подходе и научных методах, во многом обеспечивших ее колоссальные успехи. Но означает ли это, что подходы и методы, используемые наукой, являются исключительно ее прерогативой? Что теперь формирование мировоззрения – монополия науки?

В последние десятилетия эти проблемы активно обсуждаются в христианской теологии. Особенно интенсивно исследования в этом направлении ведутся западными христианскими мыслителями, среди которых можно назвать таких крупнейших специалистов в данной области, как И. Барбур, Л. Гилки, Х. Ролстон (США); М. Хеллер (Польша); А. Пикок, Д. Полкинхорн (Великобритания). Они справедливо считают,

что нелегко сегодня развивать христианское учение, игнорируя связанные с достижениями науки изменения представлений людей о мире и особенности нашего времени. Проблема заключается в определении того, каким должен быть статус этого учения и как следует строить отношения христианской теологии и науки. Особое значение при решении этих вопросов придается проведению сравнительного методологического анализа христианства и науки.

Формирование картины мира, сменившей средневековое мировоззрение, было сопряжено с формированием нового стиля научного исследования, в основу которого были положены математика и наблюдение. Р. Декарт провозгласил математику эталоном построения научного знания. С именем Г. Галилея связано введение в науку эксперимента. Принявший эту методологическую установку и считавший своей задачей адекватное описание реальности И. Ньютон неслучайно выбрал своим девизом принцип «гипотез не измышляю» и в своей деятельности тщательно избегал выводов, которые казались ему недостаточно обоснованными и эмпирически неподтвержденными.

Революционные мировоззренческие и методологические преобразования, совершенные наукой XVII столетия, вновь поставили перед теологами вопрос о соотношении христианства и науки. Он был четко сформулирован еще Тертуллианом, который и дал на него однозначный ответ, заключавшийся в утверждении, что между христианством и наукой, как и между верой и знанием, нет ничего общего. В дальнейшем эта позиция подверглась некоторой корректировке и средневековая схоластика активно использовала рациональные аргументы. С другой стороны, концепция автономии христианства от науки стала приобретать новое звучание – появляются идеи разграничения областей компетенции теологии и науки с тем, чтобы каждая осуществляла свою деятельность строго в рамках этих областей.

Анализируя сложившуюся в XVII столетии ситуацию в сфере «христианство – наука», современные теологи обращают внимание на то, что она была весьма многоплановой. И традиционная ее трактовка как противостояния религии науке сегодня, по их мнению, должна быть существенно скорректирована. Действительно, с одной стороны, наука меняла мировоззрение, имеющее уже статус

традиционного и базирующегося на христианской доктрине о Творце и творении, что вызывало серьезные столкновения между учеными и теологами. Но, с другой стороны, очевидно, имели место споры и даже противостояние друг другу ученых – сторонников различных научных теорий, а в рамках теологии велись дискуссии между приверженцами различных богословских концепций. Кроме того, определенную роль в свершении научной революции сыграли пуританизм и англиканство, идеи протестантской этики, повседневного труда, развиваемые в лютеранстве и кальвинизме.

Современные теологи считают неслучайным развитие науки именно в христианской Европе, полагая, что христианское мировоззрение сыграло здесь важную позитивную роль. Христианский монотеизм, рассматривающий Бога как единственного создателя мира и законов его бытия и, соответственно, предполагающий гармоничность и неизменность мироустройства, не допускал его обожествления и давал основания для веры в возможность его познания. «Наука возможна, поскольку универсум является божественным творением» и сама способность человека к познанию – дар Бога [1, с. 8].

Восхищение разумом, успехи научных исследований привели к усилению рационалистической компоненты в христианской теологии. Не только природа, но и человек, и даже Бог стали рассматриваться с «рационалистических позиций». Отстаивание приоритета, вселия разума привело к существенному понижению авторитета Писания в гносеологическом отношении. Более того, по словам И. Барбура, «разум, первоначально считавшийся лишь дополнением к откровению, начинает замещать его в качестве пути к познанию Бога» [2, с. 24–25].

Начинают интенсивно развиваться и распространяться идеи естественной теологии, видевшей конечную цель познания природы в восхищении Творцом, результатом реализации замысла которого стал столь замечательный мир. Однако создатель этого совершенства стал превращаться в деистического «Бога-часовщика» – безличного, бесстрастного и почти бездеятельного. Практически это была апелляция к бесперспективной стратегии «Бога пробелов». И история подтвердила справедливость этой оценки. Кроме того, с точки зрения многих современных теологов (И. Барбура, А. Пикока и др.), естественная теология не могла выполнить важнейшей функции религии – формирования у людей нравственных идеалов, ощущения сопричастности происходящему как в природной, так и в социальной сферах и осознания значимости личного участия в религиозной жизни. Неслучайно, по их мнению, И. Кант снова возвращается к проблеме разделения сфер деятельности религии, которой

должны принадлежать нравственная, духовная проблематика, и науки, являющейся бесспорным гносеологическим авторитетом в мире природы.

В XIX столетии во многом под влиянием работ П. Лапласа было, по сути, отвергнуто утверждение о постоянном провиденциальном контроле Бога над миром, который теперь представлялся не созданным и поддерживаемым Богом механизмом (как это было в XVII в.), а механизмом жестко детерминированным и самодостаточным. Кроме того, эта теория способствовала дальнейшему укреплению редукционистского подхода к объяснению мироздания, сведя реальность к сумме движущихся частиц, а ее объяснение – к действию физических законов.

Успехи науки были настолько значительными и впечатляющими, что многие мыслители сочли возможным применение методов, используемых для постижения природы, вообще во всех сферах познания. Кто-то делал акцент на эмпирическом компоненте, кто-то – на рациональном, но многим научные методы казались универсальными, и именно их использование представлялось залогом плодотворности познавательного процесса. Однако строгий рационализм, механицизм, жесткий детерминизм, редукционизм – эти понятия не предполагали описания мира в терминах красоты, творчества, духовной реальности. И неудивительно, что просвещенческий интеллектуальный подход стал казаться ограниченным. Романтизм в литературе, методизм, пиетизм, движение евангелического возрождения стали воспевать: одни – красоту, одухотворенность и творческую силу природы, другие – личностную компоненту Бога и духовное преобразование человека в результате его «встречи» с Богом.

В свою очередь, с развитием философии и методологии науки стало очевидно, что и в создании новых научных идей и гипотез, и в создании новых, особенно фундаментальных, научных теорий существенную роль играют не только наблюдение и эксперимент, не только строгие математические расчеты и логические умозаключения, но и интуиция, творческое воображение, глубокие внутренние переживания.

Однако в XX столетии под влиянием идей неопозитивизма вновь стало укрепляться мнение о науке как сугубо объективном, основанном только на фактах, внеличностном «предприятии». Кроме того, научно-технический прогресс обусловил огромную популярность сциентистского представления о научном познании как единственно возможной форме получения адекватных знаний о мире во всем его многообразии.

В этих условиях особую остроту приобрел вопрос о соотношении науки и других областей культуры, претендующих на формирование мировоззрения людей. Так, тема «Философия и наука» стала одной из наиболее активно обсуждаемых

представителями неопозитивизма и экзистенциализма. Не менее значимой оказалась и проблематика «Христианство и наука», и чрезвычайно актуальным стал вопрос о взаимоотношениях христианской теологии и науки: здесь мнения теологов разделились.

Среди современных христианских мыслителей есть немало сторонников обозначенной выше установки на независимость. Сегодня в основе этой позиции лежат два фундаментальных принципа: первый заключается в утверждении о радикальном различии предметов исследования теологии и науки; второй основывается на убеждении, что обе дисциплины имеют дело с одной и той же реальностью (миром во всем его многообразии), но осуществляют свою деятельность с разных позиций.

Примерами обоснования идеи автономии теологии и науки являются протестантская неоортодоксия и философия экзистенциализма. Так, еще К. Барт, по сути, вывел природу из сферы деятельности трансцендентного бога, ограничив эту сферу полем истории и человека. А экзистенциалисты провели границу между познанием безличного, которое осуществляется на основании объективного анализа, предполагающего отделение субъекта от изучаемого им объекта и являющегося прерогативой науки, и личного, постигаемого только субъективно, что достижимо в рамках философии и религии. Очевидно, что попытки постижения Бога и духовного мира человека могут реализовываться только через глубокое личное переживание.

Установка на независимость подкрепляется фиксацией целого ряда фундаментальных специфических особенностей и методологических различий теологии и науки, которые, по мнению ее сторонников, разводят науку и теологию по разные стороны течения, через которое нет моста. В частности, существенно различными являются данные, которыми оперируют наука и теология. Наука работает не с единичными феноменами, а с объективными, воспроизводимыми данными. Именно на этом пути она фиксирует закономерности и формулирует законы. Предметом же теологии, скорее, являются события уникальные, связанные с индивидуальными, глубоко личностными восприятиями и переживаниями.

Наука изучает причины и ход событий и явлений. Теология исходит из красоты и гармоничности мира и пытается проникнуть в смысл и значение бытия – как личного, так и мирового. Рассуждения и утверждения ученых должны базироваться на безупречной логике, объективных, точных наблюдениях и их результатах. Теоретические рассуждения науки требуют тщательной экспериментальной проверки, основой же теологических концепций являются прежде всего Бог и его откровение.

Лингвистический анализ привлек внимание к проблемам языка. Последующие исследования в этой области позволили выявить специфические

характеристики научного и религиозного языков. Если скоро религия и наука имеют разные цели и выполняют разные функции, то различными являются и используемые в их рамках языки. В отличие от количественного, абстрактного языка науки, язык религии – конфессиональный, символический и аналогический, ибо Бог трансцендентен. Таким образом, у теологов есть определенные основания считать религию и науку независимыми и автономными формами жизни и мысли. И очевидно, что у этой позиции есть сильные позитивные стороны: она позволяет обоим сохранять свою специфику, развиваться и функционировать, не испытывая давления другой стороны, и уж тем более не конфликтовать с ней.

Однако далеко не со всем в обоснованиях этой установки можно согласиться. Так, у ряда современных христианских теологов (А. Пикока, Д. Полкинхорна и др.) вызывает возражение подчеркивание неоортодоксами трансцендентности Бога, которое, по их мнению, минимизирует его имманентность, отдаляет его от мира. Акцентирование внимания прежде всего на доктрине искупления, безусловно имеющей важнейшее значение для жизни человека, а также экзистенциалистский личностный подход, по сути, выводят из сферы богословского осмысления проблемы и природы как таковой, и отношения к ней как Бога, так и человека. Также неправомерной, с их точки зрения, представляется абсолютизация объективности, рациональности науки и субъективности, эмоциональности религии. Как уже отмечалось, наука вовсе не свободна от личностной компоненты, а религия – от рациональной.

Немало оппонентов стратегии автономии (И. Барбур, Х. Ролстон и др.) считают ее непродуктивной. Она исключает возможность не только конфликтов, что, безусловно, хорошо, но и конструктивного диалога, что, безусловно, плохо. Кроме того, она не только непродуктивна, но и нереалистична, ибо не соответствует ни мировоззрению, ни требованиям нашего времени. Неправомерным представляется разделение мироздания на мир человека (сфера теологии) и мир природы (сфера науки): разрывать единую сеть бытия нельзя. Человек – часть природы, не только индивидуум, но существо биосоциальное. Личность человека, его внутренний мир формируется и функционирует под значительным воздействием биологических и социальных факторов. «Мы являемся богатейшей из природных систем, ее продуктом, призванным продолжать творение» [3, с. 344]. Кроме того, у верующего нет оснований считать, что Бог действует только в рамках некоей «религиозной сферы», а не во всем мироздании.

Неслучайно наиболее популярной среди теологов, занимающихся проблемой «Христианство и наука», является позиция, в рамках которой признается необходимость взаимодействия этих

областей культуры. Среди ее сторонников можно назвать Э. Макмаллина, Д. Трэйси, В. Панненберга и многих других. Она основана прежде всего на признании наличия точек соприкосновения – «пограничных вопросов», вызванных развитием науки, однако не получающих в рамках ее подходов и методов должного решения. Таковыми являются, например, этические проблемы использования достижений науки, объяснение оснований нашего универсума, сочетающего в себе действие и закона, и случая, гармоничного и способного к прогрессивному развитию.

Возможность диалога христианства и науки при обсуждении «пограничных вопросов» обеспечивается наличием у них целого ряда сходных в методологическом отношении черт.

Как уже отмечалось, науку часто противопоставляют религии как объективную – субъективной. Действительно, в религии личностная компонента чрезвычайно существенна, ибо цель ее – преобразование личности. И наука более объективна, чем религия. Однако некорректно сводить религию только к субъективному, так как есть религиозная община, коллективный религиозный опыт, выдержавшая испытание временем религиозная традиция. С другой стороны, и наука несвободна от элемента субъективности. Как известно, в современной науке произошел пересмотр статуса независимого, объективного исследователя, вызванный развитием квантовой физики, в которой наблюдатель неотделим от объекта наблюдения. Кроме того, данные, которыми оперируют и религия, и наука, не являются «чистыми» – они теоретически нагружены, а их интерпретации находятся

в непосредственной зависимости от принимаемой членом научного или религиозного сообщества парадигмы. И теология, и наука, хотя и в разной степени, требуют эмпирического подтверждения своих концепций. Обе в ходе историко-культурного и своего собственного развития способны в значительной степени корректироваться. Обе сталкиваются в своей деятельности с феноменами, не поддающимися наблюдению, и используют при их описании и объяснении концептуальные конструкции, метафоры и аналогии.

Признание сходных характеристик, наличия точек соприкосновения христианства и науки привело к тому, что в последние десятилетия среди христианских теологов развиваются идеи о необходимости не только диалога, но тесного их сотрудничества, цель которого – формирование единого целостного мировоззрения.

Мы не можем однозначно утверждать, станет ли какой-либо из рассмотренных путей отношения христианства к науке приоритетным, однако понимание значимости этой проблемы и разнообразие подходов к ее решению очевидно демонстрируют способность христианства быть не застывшим и догматичным, а живым, динамичным учением, откликающимся на актуальные вопросы своего времени.

Список литературы

1. Polkinghorne J. *Quantum Physics and Theology : an Unexpected Kinship*. New Haven, 2007. 128 p.
2. Барбур И. Г. Религия и наука : история и современность. М., 2000. 430 с.
3. Rolston H. *Science and religion : a critical survey*. Philadelphia, 2006. 357 p.

Образец для цитирования:

Девятова С. В. Христианство и наука : от автономии к взаимодействию // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 266–269. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-266-269.

Christianity and Science: from Autonomy to Interaction

S. V. Devyatova

Moscow State University
27, bl. 4, Lomonosovskiy ave., 119192, Moscow, Russia
E-mail: welt1936@yandex.ru

This article is devoted to consideration of the main tendencies in solving by modern western christian theologians the problem of relations between Christianity and science. Today here is elaborated a new vision on history and modern state of interrelations between science and theology. Here is stressed an injustice of statements about their principally opposition and fixed a positive influence of Christianity on the development of European science. There is no common theologian opinion about the mode of modern interrelations between theology and science. Some of them regards the principle of division of areas of their competence and autonomous activities to be most productive. But more popular is the orientation on their interaction which possibility is ensured by common questions and

by methodolgia similarity of this significant areas of culture. Such orientation corresponds to modern picture of the world as a single whole and also to christian idea of Creator, whose attention and influence enlarges throughout the universe. It may become basis of close cooperation between Christianity and science aim of which is a formation accurate integrated world view.

Key words: Christianity, theology, science, objectivity, subjectivity, nature, personality, independence, interaction.

References

1. Polkinghorne J. *Quantum Physics and Theology: an Unexpected Kinship*. New Haven, 2007. 128 p.
2. Barbour I. G. *Religion and Science. Historical and Contemporary Issues*. London, 1998. 368 p. (Russ. ed.: Barbur I. G. *Religiya i nauka: istoriya i sovremennost*. Moscow, 2000. 430 p.).
3. Rolston H. *Science and Religion: A Critical Survey*. Philadelphia, 2006. 357 p.

Cite this article as:

Devyatova S. V. Christianity and Science: from Autonomy to Interaction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 266–269. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-3-266-269.